

дось. Нѣтъ болѣе естества, нѣтъ и тѣни; грѣхъ смытъ, и искупеній болѣе нѣтъ; все прошлое живетъ въ безсмертныхъ душахъ подобно сновидѣніямъ; ты исполнилъ назначеніе свое, и, какъ представитель зла, ты уничтоженъ. Потому небо вновь возрадуется тебѣ и сонмъ блаженныхъ привѣтствуетъ тебя, какъ брата“ и т. д. Любовнымъ гимномъ Творцу оканчивается произведение.

„Такъ душа и пѣсношніе, родившись на небѣ, вновь возвращаются къ своему источнику“, — говоритъ Фестъ. Ангелы поютъ о святости, совершенствѣ и безконечности Господа. Духъ святой говоритъ о сліяніи всѣхъ духовъ съ Божествомъ. Троица вернется къ первоначальному Единству, и Единство будетъ во всѣхъ, и всѣ будутъ въ Немъ. Богословскимъ опредѣленіемъ Божества, исходящимъ изъ устъ самого Бога, оканчивается послѣдняя сцена этого любопытнаго произведенія.

Біографъ Гёте, Льюисъ, въ пренебрежительномъ отзывѣ о „Фестѣ“, считаетъ его неподлежащимъ разбору. Дѣйствительно, какъ художественное произведение, оно слишкомъ непослѣдовательно и отвлеченно; но, помимо поэтическихъ достоинствъ и замѣчательнаго идейнаго объема, оно останется однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ того субъективнаго произвола, который допускается сюжетомъ. Едва ли и найдется въ міровой литературѣ поэтическая фабула, допускающая такой фантастическій произволъ, гдѣ субъективность могла расплыться въ ту „гипертрофію личности“, о которой говорено выше, фабула, отразившая въ различныхъ обработкахъ въ такой сильной мѣрѣ современныя вѣянія, хотя основная мысль видимо стоитъ внѣ временныхъ вліяній. Послѣднимъ по времени образцомъ этого рода, какъ и послѣднимъ представителемъ типа вообще, является „Фаустъ“ нѣмецкаго поэта Ф. Штольте. Онъ относится къ 60-мъ годамъ. И здѣсь замыселъ разросся въ объемистое, безформенное произведение. Авторъ въ немъ намѣревался дать продолженіе 1-ой части Гётева „Фауста“, поставивъ себѣ цѣлью показать внутреннее очищеніе и духовное совершенствованіе героя. Хотя нѣмецкіе критики не отказываютъ ему ни въ оригинальности, ни въ поэтическихъ достоинствахъ, оно мало извѣстно. Велерѣчивость и безграничный произволъ, утомляющіе уже въ предшествующихъ „Фаустахъ“, заставили послѣдняго изъ нихъ пройти почти незамѣченнымъ.

Будетъ ли этотъ трудъ окончательнымъ? Послужитъ ли онъ послѣднимъ образцомъ той титаномачіи, которая нашла въ „Фаустѣ“ вообще свое привычное, а въ „Фаустѣ“ Гёте самое